

Василь ЯБУР, Анна ПЛИШКОВА,
Институт по изучению национальных культур
Пряшевского университета, Пряшев (Словакия)

Некоторые черты русинских говоров Словакии

В ноябре 1992 г. в курортном центре Бардеевске Купеле (Словакия) состоялся рабочий семинар небольшой группы ученых, писателей и журналистов из девяти стран мира, который поставил перед собой задачу координации современных тенденций образования стандартного русинского литературного языка. В резолюции семинара, состоящей из 12 пунктов, ее участники рекомендуют сначала формировать три варианта русинского языка для отдельных областей, на которых проживают русины, а литературный язык каждой области строить на основе самого распространенного диалекта.

Этот стандарт в Словакии начал отрабатываться на основе двух самых распространенных диалектов: западноземплинского и восточноземплинского, которым мы будем уделять основное внимание. Земплинские русинские говоры представляют собой переходные говоры от лемковских к среднекарпатским, с преобладающим количеством языковых явлений среднекарпатских говоров. В них отражены фонетические и морфологические явления, которые характерны:

- а) для всех говоров восточнославянской группы,
- б) для украинских (особенно западноукраинских) говоров,
- в) для карпаторусских (или русинских) говоров.

Мы не будем останавливаться на тех явлениях, которые являются общими с остальными восточнославянскими (главным образом, с украинскими говорами), а приступим к описанию лишь тех признаков, которые характерны для вышеупомянутых русинских говоров.

Фонетические признаки:

1. Сохранение различия между старыми ЪІ и І, т. е. сохра-

нение древнерусского Ъ, напр.: бык, звык, мыти, пыск, рык и т. д. Этот гласный, соответствующий общеславянскому Ъ, в карпатских говорах заметно отличается от великорусского Ъ несколько пониженной артикуляцией. В большей части карпаторусинских говоров этот гласный заднего ряда, т. е. более задний, чем русское Ъ (мы его относим к заднему ряду и средневысокому подъему). Максимально четко произносится под ударением между твердыми согласными и особенно после заднеязычных к, г, г, х, которые способствуют его приближению к гортанному звуку. Особенно в этой позиции оно заметно отличается от русского Ъ, напр.: кый, кыснути, роки, гынути, загыбель, хыжа; жыто, пыск, сыпати, рыти, тыкати, вшытко и т. д.

В остальных позициях, т. е. перед мягкими согласными, его произношение продвигается немного вперед, но все-таки не совпадает с русским Ъ и никогда не сопровождается оттенком І или И, характерным для русского Ъ, напр.: гыря, міхырь, быля, дыня и т. д.

Фонема Ъ является весьма характерной для карпатских русинских говоров. Семичленная система гласных звуков русинских карпатских говоров отличается от шестичленной системы гласных украинского литературного языка как раз наличием фонемы Ъ.

Выступает она здесь в разных позициях:

а) на месте древнорусского Ъ, напр.: бык, кышка, рык, сын, жыти, хыжа и т. д.;

б) на месте Ъ, Ь в общеславянских сочетаниях ТРЪТ, ТРЬТ, ТЛЪТ, ТЛЬТ в слабой позиции, где Ъ может выступать перед и после плавного, напр.: блыха, гырміти, лыгати, дрыва, кыршити, кыртіця, слыза, стырчати, тырвати, тыркотайло, фыркати и т. п.;

в) на месте Ъ перед Й у имен прилагательных муж. р., напр.: білый, молодой, вовгкый, мокрый, чорный и т. п.;

г) на месте Ъ в конце приставок перед Й, напр.: выйти, зыйти, обыйти, надыйти и т. п.;

д) на месте напряженного древнерусского Ъ, восходящего к Ъ перед Й в сильной позиции, напр.: мый(те), вый(те), рый(те) и т. п.;

е) на месте И после Ж, Ш, напр.: жывы́й, жыла, жыти, шыти, шыро́кий, мышы, душы, хыжы и т. п.;

ж) на месте других гласных в ограниченном количестве слов, напр.: вывѣрка, гыря, мѣхырь, ныряти, одты(ль), одкы(ль), шы́ринь и т. п.;

з) на месте различных гласных в некоторых заимствованных словах, напр.: апатыка, гынглявы́й, дылі́, дышель, жыван, шпыталь, шына, машына и т. п.

2. Как уже было частично упомянуто в п. 1б, в древнерусском языке редуцированные гласные Ъ, Ь, находящиеся в положении после плавных согласных, в сильной позиции проявлялись в О и Е. В слабой позиции в русских наречиях изменились тоже в О, Е, в украинских в И, в белорусских в Ы, а в среднекарпатских русинских - тоже в Ы, напр.: блыха, слыза, дрыва, брыскати и т. д. В русинских говорах вокальный элемент на месте редуцированного гласного может выступать не только после плавного согласного, но и перед ним, что эти говоры до определенной степени сближает со словацкими, напр.: кырвавы́й (krvavý), гылтати (hltatʲ), дыргати, дырвити, тырвати, кыршити, кыртіця и т. д.

3. В преобладающем количестве слов сберегается в исходе слова древнерусское мягкое Р' из РЬ, напр.: дротарь, колесарь, ременарь, облачарь, коминарь и т. п. Что касается названий профессий, то, как видно уже из примеров, суффиксы -арь/-ярь, -ырь сохраняют мягкость Р, напр.: чопнарь, качмарь, малярь, столярь, пастырь, а в суффиксах -ор, -ер она утрачена, напр.: кантор, дохтор, монтер, шофер и т. д.

Мягкое Р' в современных русинских говорах выступает также на месте древнерусского Ь в сочетании ТРЬТ, напр.: верьх, верьба, серьп, церьков, терьня и т. д.

4. Исконно мягкие шипящие в наших говорах стали твердыми (как и в украинском языке), напр.: живі́т, жыла, жылавы́й, жыто, шыло, шыти, машына и т. д.

Но согласные Ч, Щ, ДЖ (в отличие от украинского языка) являются всегда мягкими, напр.: ч'істо, ч'ітати, моч'іти, печ'і, щ'іт, пиш'ати, блищ'ати, медж'і, рідж'а и т. д.

5. Весьма характерным фонетическим явлением для преобладающего количества карпатских русинских говоров является сужение Е, О перед гласными высокого подъема У, І,

а также перед суженными Ê, Ô, что О. Брох¹ назвал вокальной гармонией слога, напр.: kôni, na vôzi, na bêrêzi и т. д.

Другие лингвисты уточняют позиции произношения данных узконапряженных гласных, так как они встречаются чаще, чем указывал Брох. Один из знатоков карпатских русинских диалектов Г. Геровский² говорит, что произношение узкого напряженного оттенка гласного Е наблюдаем и в позиции перед мягким согласным, напр.: têpêr, têrnya, vêpêr, vêrx и т. п., а особый напряженный оттенок звука О - в позиции перед мягким согласным и перед слогом с (у) неслоговым, напр.: в бôlôt'î, gôlôu, slôuo, pôlôua, kôrbôua и т. д.

6. В русинских говорах "А (т. е. А после мягких согласных) не подверглось дальнейшим изменениям, напр.: десять, девять, зять, ярь, яруга, яма, ягода, роблять, косять и т. д. (в многих восточнославянских говорах изменилось в Е).

7. В окончании именительного и винительного падежей существительных среднего рода после долгих или кратких мягких согласных и шипящих из старых сочетаний согласных с Й сохранился А (т. е. у существительных среднего рода из -ИЙЕ, -ЬЕ), напр.: мытя, копаня, смітя, жытя и т. д.

8. Согласный Л немягкий звучит как средний (или как т. н. „европейское“ Л), это отразилось, например, при составлении норм русинской орфографии, напр.: культурный, офіціалный, геніалный и т. п., но — школьський, валальський, маллярський и т. д.

9. В большинстве русинских говоров сохраняются мягкие согласные Д', Т' без перехода в Г', К', напр.: т'істо, т'існий, тл'іти, ст'іна, д'ідо и т. д.

10. Выпало і (неслоговое) в позиции между гласными в творительном падеже единственного числа существительных женского рода, напр.: руков, ногов, землѐв, головов, тварѐв, путѐв, школов и т. д.

11. В русинских говорах, имеющих І на месте общеславянского О в новозакрытых слогах, согласные перед этим І в части говоров остаются твердыми, напр.: дім, ніс, волів (от вол), рік, ріс, братів, стій и т. д.

12. Появились вторичные Л' и Н' после губных, а именно: л' после губных неносовых, напр.: здоровля, жеребля, кровлѐв, дубля, трафляти и т. п., и н' после М, напр.: мнясо, пам-

нять, камняный и т. п., хотя возможны и произношения без „л“ и „н“ - здорова, пам'ять и т. п.

13. Диспалатализация (отверждение) С' в суффиксе –С'К — (из -БСК), причем можно наблюдать интересное явление в том смысле, что данный суффикс сохранил за собой способность смягчения предшествующей согласной, напр.: валальский, жываньский, паньска, сомарьска, школьський, профессорський, словеньський, біляньський и т. д.

14. Ударение свободное (разноместное и подвижное), но в карпатских русинских говорах слабее, чем в русском или украинском языках.

Морфологические признаки:

15. В дательном падеже единственного числа мужского рода основы на -О, -Ю, -У известно окончание –ови у существительных обозначающих как одушевленных, так и неодушевленных. Можно наблюдать распространение этого окончания и на имена существительные среднего рода, напр.: сынови, чоловікови, конєви, пастырєви, дітвакови, ід стромови, ід колови, йди ід облакови, прив'яз ід колесови и т. д.

16. В склонении существительных с основой на мягкий согласный (там, где в украинском сохраняется Е, из общеславянских Е и Ъ) в русинских диалектах встречаем в падежных окончаниях обыкновенно О, напр.: Василєви, Ковалєви, конєви, землєв, телятєм, шандарєви, шандарєм, ножом и т. д.

17. В предложном падеже единственного числа существительных мужского и среднего родов и в дательном и предложном падежах единственного числа существительных женского рода с основой на мягкий согласный и шипящий находим окончание -И, напр.: на земли, на поли, на кони, на пути и т. д.

18. Кроме полных форм, употребляются также краткие формы личных местоимений, напр.: мене/ня, тебе/тя, од себе/од ся, мі, ті, сі, го, му, ня, тя, ся и т. д.

19. В 3-м лице единственного числа возвратных глаголов 1-го спряжения отсутствует -ть, напр.: мыє ся. Кроме того, возвратная частица ся является значительно подвижной у всех возвратных глаголов, напр.: сміє ся; він ся сміє; він ся дуже сердечно сміє; молить ся; він ся молить; мати ся каждый вечур дуже довго молить и т. д.

20. Будущее время глаголов несовершенного вида образуется только сочетанием личных форм глагола ‚быти‘ и инфинитива полнознаменательного глагола, напр.: буду спати – будуть спати, будеш співати – будеме співати, буду ся молити – будете ся молити и т. д.

21. Особые личных флективные морфемы у глаголов в форме прошедшего времени и в формах кондиционала в 1-м и 2-м лице единственного и множественного числа, кроме форм

я спав, я спала,

ты спав, ты спала,

я бы спав, я бы спала,

ты бы спав, ты бы спала,

широко распространены и формы:

спав ем — спав есь,

спала ем – но и – спала-м,

спала есь – спала-сь,

спала бы ем – спала бы-м,

спав бы есь – спав бы-сь,

спала бы ем – спала бы-м,

спала бы есь – спала бы-сь и т. д.

Данные указатели лица прикреплены не к глаголу, а к определенному месту высказывания (фразы), напр.: Што сьте вчера вечур робили? На траву сьме так нескоро ходили. Де сь був? В Сосновці м був и т. д.

22. Отсутствие форм инфинитива на –Т‘ и употребление только форм инфинитива на –ті и –чі (от основ на к, г), напр.: несті, писаті, красті, сидіті, мочі, речі, лячі, товчі и т. д.

23. Употребление возвратной частицы "ся" не слитно с глаголом, так как она может стоять и перед глаголом, и может отделяться от него одним или несколькими словами, напр.: мыє ся, він ся мыє; він ся каждый день скоро рано мыє студенов водов и т. д.

24. Употребление указательного местоимения сей, удвоенных указательных местоимений сесь (сеся, сесе), но в земплинских говорах главным образом – тот, тота, тото и сложных — тамтот, тамта, тамто, тамты (или тамтоты).

25. Употребление числительного — єден, єдна, єдно.

26. В родительном и дательном падежах местоимений мягкого различия употребляются флексеми -ого, -ому с мягки-

ми согласными перед окончаниями, напр.: од нёго, ку нёму, сёго, сёму.

27. В 3-м лице единственного числа глаголов 2-го спряжения при ударении на основе наличие только форм на -ть, напр.: ходить, робить, носить и т. п. (отсутствие иных форм).

28. Наличие только мягкого -Т' в окончаниях 3-го лица единственного и множественного числа форм настоящего и простого будущего времени, напр.: косить - косять, видеть - видять и т. п.

29. Одной из самых важных отличительных черт является наличие только окончания -ме в 1-м лице множественного числа настоящего и простого будущего времени, напр.: ходиме - приїдеме, пишеме - напишеме, сидиме - встанеме, смієме ся, співаєме - співайме - співаме и т. д. Большое значение этой черте придает Л. А. Булаховский³, который по этому поводу пишет: „Ясно, що словакізми (східні словакізми), як-от: *tyrt* із **trȃt*: хырбет, кырви (т. е. *chrbát*, *krvi*); зміна -*nk*-у групу з твердопіднебним -*n*-; окремі слова з -*ra*-; -*la*- із колишніх **tort*, **tolt*; закінчення орудного мн. -*ma* у прикметників і займенників (молодыма, шумныма, нашыма – примери наши); префікс *da-* замість *de-* в словах *dakoly*, *dašto* та ін. або окремі слова *harda*, *tuňi*, *lem*, *haša* – є лише більш-менш випадкові нашарування з сусідніх словацьких говірок... За щось більше могло би промовляти закінчення першої особи множини -*me*, ...“

Н. Н. Дурново⁴ считает (в отличие от многих других лингвистов), что окончания 1-го лица множественного числа -мо и -ме „по-видимому, сравнительно поздние новообразования, только случайно совпавшие с подобными же новообразованиями других славянских языков.“

30. В инфинитиве и претерите глагола ‚быти‘ сохраняется ‚ы‘, напр.: быти, быв, была, были сьме и т. д.

В словаре (в лексике) карпатских русинских говоров, кроме присутствия унгаризмов, словакизмов, заимствований из румынского и немецкого языков, важно отметить сохранение ряда слов, которые в остальных восточнославянских языках не сохранились. Их не так уж мало (т. е. это не только „окремі слова“), напр.: белник, волосн'і, колосновати, мачка, нанашка, пліча, пішник, пырьт, стрычний брат, т'ічний

брат, ямарь, красный (в зн. - красивый), полокати, діл, ріни, куча, лазиво, пивніця, порткы (гачі), повала, пуджало, валёк, заушніця, коминарь, біглязь, чей (ачей), пі(у)д (pôjd) и много других.

Заклучение

Мы полностью разделяем и поддерживаем мнение тех лингвистов, которые утверждают, что карпатские русинские диалекты являются типичными говорами языкового пограничья, замкнутости в горах и особых исторических условий развития. В течение длительного времени здесь шел процесс формирования отдельных диалектов, между которыми в различные периоды устанавливались сложные взаимоотношения. Это был тот район, где нарушалось четкое противопоставление основных славянских языковых групп и возникали новые образования, характеризующиеся сочетанием разнородных признаков. В иных исторических условиях, как утверждает С. Б. Бернштейн⁵, в Карпатах могла бы сформироваться самостоятельная славянская языковая группа, в которой гетерогенные диалектные признаки представляли бы внутреннее единство.

Эти особые условия, с одной стороны, способствовали сохранению многих своеобразных, старинных черт и слов, в других местах вымерших, а с другой – перенятию большого количества языковых явлений из соседних западноукраинских и западнославянских диалектов и языков, что, на наш взгляд, подтверждает самостоятельность карпатской группы восточнославянских диалектов, называемых русинскими.

Мы позволим себе нашу статью закончить следующей цитатой:

„В настоящее время существуют три русских литературных языка: 1) собственно русский, 2) украинский и 3) белорусский; сюда можно присоединить и попытки создания четвертого русского литературного языка — карпаторусского.“⁶

ЛИТЕРАТУРА

1. Брoх О. Угpорусское наречие села Убли. Санкт-Петербург, 1899.

2. Геровский Г. Jazyk Podkarpatské Rusi. In: Československá vlastivěda III, Jazyk, Praha 1934.

3. Л. А. Булаховський: Питання походження української мови. Київ, 1956. С. 206.

4. Дурново Н.Н. Введение в историю русского языка. Изд. Наука. Москва, 1969. С. 209.

5. Бернштейн С.Б. Проблемы интерференции языков карпато-дунайского ареала в свете данных сравнительной диалектологии // VII международный съезд славистов. Славянское языкознание. Доклады советской делегации. Москва, 1973.

6. Дурново Н.Н. Указ. соч. С. 27.